Один «том» из жизни человека

Передо мной — сигнальный экземпляр книги «Откровенно говоря..,». Ее автор — известный челябинский ученый, доктор технических наук, профессор Яков Ефимович Гольдштейн. Книга эта — воспоминания, размышления удивительнейшего человека, вобравшего в себя почти весь XX век. Книга, словно зеркало, отразила большую, невероятно насыщенную историческими героями и событиями жизнь. В ней все — судьба семьи и судьба страны в годы мира и страшных войн, в ней оживают современники Гольдштейна — Сталин и Берия, Малышев и Горегляд, Зальцман и Духов, Трашутин и Котин и много-много других известных людей, с которыми ему довелось работать и общаться. Никого из них ныне нет в живых: он — «последний из могикан». Через несколько месяцев ему исполнится 90 лет. Высокий, могучий, с горящими молодыми глазами. Добрые глаза и крепкое рукопожатие...

Старая квартира напоминает музей. В кабинете хозяина во всю стену — подлинная картина Илья Репина, вдоль другой стены — секретер работы итальянского мастера XVII века. 8 гостиной — старинное германское пианино (вот неожиданность: Гольдштейн в далеком прошлом — великолепный музыкант, пианист-виртуоз, выпускник Ленинградской консерватории).

Каждый предмет в доме замер, будто оберегая какую-то свою, особенную тайну. Тишина здесь — хранительница истории. Кажется, ее боятся нарушить даже сами хозяева дома — Яков Ефимович и его супруга Полина.

Дом возле Комсомольской площади, где они живут, более известен танкоградцам как «Белый дом». Здесь, рядом с ними, в свое время жили директор Танкограда Зальцман, легендарные инженеры и конструкторы Махотин, Котин... Ордер на квартиру в этом доме они получили еще в начале войны, И вот за что.

— Англия и США помогали нам тогда вооружением, материалами и продовольствием, обеспечивая непрерывный цикл конвоев, — вспоминает Яков Ефимович. — Многие из них по понятным причинам несли страшные потери от флота Германии и ее военно-воздушных сил. Самой печальной оказалась судьба конвоя RQ-17, когда из 34 кораблей 23 были потоплены. Вместе с ними ушел на дно и бесценный для нас груз — никель, запасы которого на одном из металлургических заводов Урала, питавших сталью производство танков, были на исходе. Положение было критическим. Тогда я, порывшись в своих американских блокнотах шестилетней давности, решился на отчаянный шаг. Мы провели несколько опытов у себя в лаборатории, частично заменив никель в нужных нам марках стали микродобавками бора. Зальцман был мужик рисковый, но тут даже он дрогнул. Однако других вариантов просто не было, а потому решили попробовать, беспокоясь еще и о том, чтобы военные не заметили подмены.

К счастью, все прошло благополучно, и завод вышел из положения с честью, выпустив необходимое количество танков с минимальными затратами никеля. Вскоре из Англии подоспел очередной конвой со столь необходимым грузом. Когда все уже было позади, Зальцман за создание «экзотической» марки стали и вручил мне ордер на квартиру...

— **А как вы попали в Челябинск?**

— О, это долгая история. Дед мой был крупный строительный подрядчик и купец первой гильдии, отец — очень известный в дореволюционной России горный инженер, ведущий специалист в Донбассе. Большая часть моего детства прошла на Украине, в Харькове, где я, кстати, учился в гимназии в одном классе вместе с племянником генерала Корнилова.

Мы пережили революцию, гражданскую войну, расправы с интеллигенцией, еврейские погромы. В конце концов судьба привела нашу семью в Ленинград, где с дореволюционной поры обосновалась крещеная родня матери.

Одна из маминых кузин Катя — скрипачка, была очень близко знакома с Авелем Енукидзе, видным партийным и советским деятелем. Одного его звонка было достаточно, чтобы нам выдали четырехкомнатную квартиру в самом центре города. Другой маминой кузиной была Тамара, артистка театра Надеждиной и Сабурова, женщина необычайной красоты. Помню, как за ней неотступно ухаживал ставший позднее всемирно известным писатель Владимир Набоков, с которым она уехала в эмиграцию, оставив мужа.

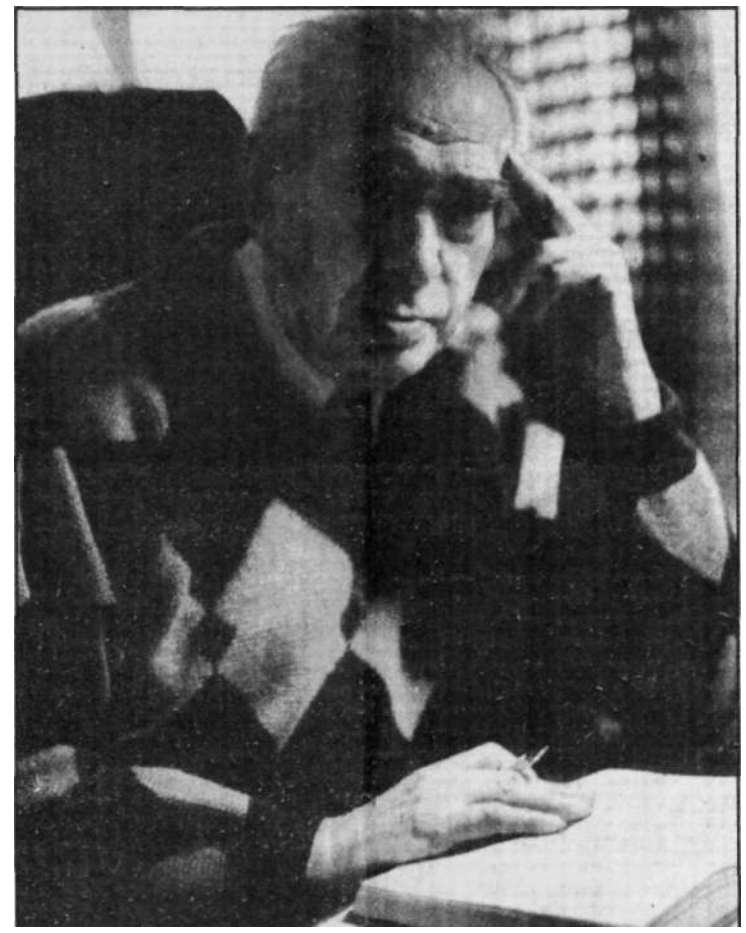
Отец стал заместителем директора крупнейшего в стране объединения «Донуголь», **а** я попытался поступить в Горный институт, один из самых престижных советских вузов. Однако мое происхождение меня подвело и я, отчаявшись, написал письмо самому Троцкому — шаг в то время далеко не безопасный. Невероятно, но письме к нему, минуя зоркое око чекистов, все-таки попало, и он помог: я был зачислен в институт в счет брони ЦК.

До сих пор в памяти Ленинград той поры — словно кинопленку, прокручиваю ставшие ныне хрестоматийными диспуты наркома Луначарского с протоиереем Вознесенским, «вижу» читающих свои стихи Маяковского и Анну Ахматову... Памятна и Москва тридцатых. Самые свежие и неофициальные московские новости поступали от моего кузена-тезки Якова Леонтьева, известного театрального деятеля, возглавлявшего в то время Большой театр. Любимец Сталина, он неизменно руководил всеми концертами, дававшимися в Кремле по самым различным поводам. Большим другом моего брата был известный писатель Михаил Булгаков. Прекрасно помню, как в вечер нашего с ним знакомства он читал новые, только что написанные главы из романа «Мастер и Маргарита». Его же в свою очередь интересовали мои свежие впечатления о жизни и искусстве американцев, ведь к тому времени я только вернулся из командировки в США.

Да, я забыл сказать, что после Ленинграда был Харьков, куда был послан после окончания института на строительство тракторного завода. Там за три года до войны стал главным металлургом завода. Там же познакомился и со своей будущей супругой Полиной, коллегой по работе. И вот уже оттуда в начале войны меня направили в должности главного металлурга на Челябинский тракторный..,

— **Судя по главам вашей книги, вы уже до войны были одним из ведущих специалистов в своей области и вас ценил «железный нарком» Орджоникидзе…**

— Не только он. Например, в середине тридцатых годов ко мне, как к специалисту по броне, обращались с такой необычной просьбой — помочь разработать бронежилет для первого секретаря ЦК Компартии Украины Постышева. Это всего лишь эпизод, как и то, что в те же годы меня отправляли за опытом в США, где я был «под обстрелом» ведущих разведок мира.



Для меня самого сегодня остается полнейшей загадкой: что же это был за ангел-хранитель такой у меня и как вообще я мог выжить в те годы? Достаточно вспомнить хотя бы 1937 год. После возвращения из-за океана вокруг меня образовалась «торричеллиева пустота» и меня стали сторониться даже близкие: а вдруг я завербованный шпион-диверсант? Начались массовые репрессии, жертвами которых стали и хорошо знакомые мне первые руководители страны — Орджоникидзе, Постышев, директор ХТЗ Свистун и многие другие. Несмотря на то, что у меня было много «козырей» (я не был коммунистом, а потому не мог быть вовлечен в антикоммунистические группировки, я еврей и, значит, никак не мог быть связан с фашистами, необычайные успехи в работе), было ощущение, что хожу по «лезвию ножа». При всем при том о минувшем остались и светлые воспоминания — семья, рождение сына (кстати, в будущем тоже металлурга, доктора технических наук) и многое другое, чем была так богата та, другая довоенная эпоха...

— **И все-таки вышло так,** что **большую часть жизни вы прожили в Челябинске…**

— Да, для многих эвакуированных, призванных и мобилизованных Челябинск стал вторым родным городом. Но тогда, в первые годы войны, мы еще не знали об этом. Как и я, например, не знал и того, что на ЧТЗ нас соберется аж четверо главных металлургов — бывший главный металлург Челябинского тракторного Буденный (родственник того самого песенного, «первоконного» маршала), главные с Ленинградского Кировского завода, с 75-го оборонного и я, с харьковского. Правда, уже через несколько дней главным металлургом Зальцман оставил все же меня одного.

— **Вы много лет проработали вместе с Зальцманом. Что это был за человек?**

— В годы войны и много после нее это была невероятно популярная личность: о нем говорили, писали, Би-би-си в своих передачах непременно называла его «королем танков». И это не случайно. Танкоград стал единственным заводом-гигантом в мире, выпускавшим столь мощные танки и в таком количестве. И в этом немалая заслуга молодого директора (он был почти мой ровесник). За 60 лет работы в науке, промышленности мне доводилось встречаться со многими руководителями. Зальцман среди них был «звездой первой величины», выделяясь многогранностью своего характера, совершенно необычными стилями поведения и руководства. Он был чрезвычайно работоспособен, часто находясь на ногах по 20 часов в сутки. Был сверхтребователен к себе, но не менее требователен — к коллегам и подчиненным. При этом он постоянно заботился об условиях, **в** которых жили и трудились работники завода. Так, например, он создал (это в войну-то!) целый санаторий на даче Енукидзе на Увильдах, построил дачные поселки-пансионаты на реке Миасс и озере Смолино, в буквальном смысле обул доморощенными заводскими валенками треть завода, прежде всего эвакуированных, чем спас их жизнь и здоровье.

Директор был и страстным болельщиком. Именно он создал известную в те годы футбольную команду «Трактор». Вообще, это была очень колоритная фигура — сильный характер, кипучая энергия... При этом он мог быть и грубым, иногда даже нахальным, но ведь это был все-таки «король танков»... Во время войны Зальцман станет и наркомом танковой промышленности. В этот период куратором Танкограда будет Берия. Но это уже отдельная история в моей жизни, жизни завода, страны...

— **Ваша книга «прорезает» почти весь XX век и успевает захватить даже последние месяцы 1995 года, а потому ее читаешь чуть ли не как свежий журнал. Вы рассуждаете о политике и зеленом знамени ислама, о своей научной работе и о своих детях…**

— Да, дети — это наша гордость. Сын Владик пошел по стопам отца, став хорошим специалистом в металлургии, доктором технических наук, дочь Женя — врач, живет с семьей в Израиле.

Сама же книга «выплеснулась» из меня как-то неожиданно и очень быстро: слишком долго о многом приходилось молчать. И сейчас, как мне кажется, можно рассекречивать «фотографии» из моего альбома прошлого. Фотографии без ретуши.

Издать книгу мне помог внук Алексей, президент известной фирмы «Союзконтракт», выступившей ее спонсором. Но «выплеснулось» далеко не все, а потому я уже начал писать вторую книгу...

Ученый с мировым именем, впервые в научной практике применивший термин «микролегирование стали», в активе которого — более десяти крупнейших монографий, более 200 патентов, в 90 лет написал первую за свою жизнь художественную книгу. Он прекрасно декламирует целыми абзацами «Илиаду», помнит наизусть всего «Евгения Онегина» и еще во многом может дать фору молодым,

Марат ГАЙНУЛЛИН.

НА СНИМКЕ: Яков Гольдштейн.

Фото Михаила ПЕТРОВА.

г. ЧЕЛЯБИНСК.